

УДК 1(091)

А.В. Нехаев

‘КРИПКЕНШТЕЙН’ & ТУЗЕМЦЫ: ИСТИННЫЙ СТРОЙ ЯЗЫКА И ПАРАДОКС ‘СЛЕДОВАНИЯ ПРАВИЛУ’

Исследуются некоторые скептические приложения для парадокса ‘следования правилу’ в области финитных функций и описывающих их языков. Под сомнение ставится широко распространенная вера в то, что основная сила скептицизма заключена в использовании аргумента ‘Ad infinitum’.

Ключевые слова: следование правилу, парадокс Крипкентейна, скептицизм, истинный строй, репликация.

Статья посвящается тридцатилетию
со дня первой публикации
книги Сола Крипке “Витгенштейн
о правилах и индивидуальном языке” [1982 г.]

С тех пор как парадокс ‘следования правилу’ (*the ‘rule-following’ paradox*) был сформулирован Людвигом Витгенштейном для всеобщего обозрения¹, споры и дискуссии вокруг него не угасают². Немалая доля столь высокого накала страстей, кипящих вокруг этой проблемы, принадлежит более поздним интерпретациям парадокса ‘следования правилу’, и в частности, той радикальной интерпретации³, которая в 1982 г. была ему дана Солом Крипке [1]. Эта интерпретация, помимо ее чистой онтоэпистемологической значимости (т.е. вопроса о состоятельности, либо несостоятельности, антиреализма или как раз-таки, наоборот, реализма, которые, будучи взятыми оппозитивно, исчерпывающим образом репрезентируют весь возможный набор исследовательских позиций для этой области), позволяет рассматривать парадокс ‘следования правилу’ и в качестве узловой проблемы современного языкознания, поскольку выводимые из него скептические следствия ставят под сомнение

¹ Исследователи ‘позднего’ творчества этого австрийского философа солидарны в том, что проблема ‘следования правилу’ была впервые в явном виде сформулирована Людвигом Витгенштейном в своем курсе лекций, которые были надиктованы группе студентов в Кембридже в 1933/34 учебном году [2. С. 7] и которые позднее были изданы под названием «Голубая книга». Так, в одном из ее пассажей он напрямую утверждает: «Ибо помните, что обычно мы не используем язык согласно строгим правилам; нас также не обучали ему посредством строгих правил. В наших рассуждениях, с другой стороны, мы постоянно сравниваем язык с исчислением, осуществляющимся согласно строгим правилам» [3. С. 55].

² При этом стоит согласиться с Всеволодом Ладовым в том, что проблема ‘следования правилу’ в интерпретации Сола Крипке заслуживает внимания сама по себе – как таковая [2. С.21], т.е. независимо от того, был ли это для Людвиг Витгенштейна подлинный парадокс или лишь псевдопарадокс; иными словами, проблема ‘Крипкентейна’ (если воспользоваться ироничным эпитетом Хилари Патнэма) индифферентна по отношению к тому, что же именно открыл сам Людвиг Витгенштейн.

³ Это высказывание скрывает один небольшой нюанс, а именно, Сол Крипке полагал, что это уже сделал за него сам Людвиг Витгенштейн; так, он отмечает, что... «Витгенштейн изобрел новую форму скептицизма. Лично я склонен рассматривать её как наиболее радикальную и оригинальную скептическую проблему, с которой сталкивалась философия...» [1. С. 92].

валидность любых попыток рассматривать язык как строгую алгебраическую структуру.

Основой конструирования радикальной скептической позиции для Сола Крипке служит понятие ‘правило’, зачастую рассматриваемое в качестве своеобразного ‘ядра’ теории значения ‘позднего’ Людвига Витгенштейна. Так, обратившись к этому понятию, Сол Крипке с немалым для себя удивлением обнаружил, что приписываемая ему *per diffinitionem* способность направлять нас в каких-либо действиях (будь то сложение чисел или строительство дома) на деле оборачивается всего лишь иллюзией. Рассматривая ставший ныне знаменитым пример арифметического вычисления ‘ $68+57=5$ ’, Сол Крипке указал на нашу беспомощность, заключающуюся в том, что мы оказываемся неспособны найти среди фактов наших прошлых действий хотя бы один такой, который указывал бы на ошибочность подобного рода вычисления. Все мои вычисления, которые я выполнял до этого ‘аномального’ случая (скажем, вычисляя ‘ $1+1=2$ ’ или ‘ $2+5=7$ ’), парадоксальным образом оказываются примерами, подпадающими под действие сразу двух разных правил: того, что мы привыкли понимать как ‘сложение’, и того, что мы могли бы назвать неким дефект-правилом ‘квожения’, предписывающим нам указывать в качестве суммы число ‘5’, если хотя бы одно из наших слагаемых оказывается большим, чем ‘56’. В этом обстоятельстве и запрятана главная скептическая “изюминка” в рассуждениях Сола Крипке: проблема вовсе не в том, что мы делаем, когда утверждаем ‘ $68+57=5$ ’, подлинная проблема в том, что же мы все-таки делаем, когда вычисляем ‘ $1+1=2$ ’ или ‘ $2+5=7$ ’, ‘складываем’ или ‘сквадываем’? Какому именно правилу мы следуем тогда, когда наши действия еще не вызывают подозрений? Здесь и возникает скептический парадокс, сила которого оказывается производной от так называемого аргумента ‘*Ad infinitum*’: “...это утверждение необозримости содержания правила в конечном опыте употребления языкового выражения, приводит к ситуациям неопределенности в вопросах различения правил и подведения конкретного употребления выражения под то или иное правило...” [2. С. 35]. Это обстоятельство позволяет Солу Крипке отвергнуть все претензии со стороны так называемой ‘теории диспозиций’, склонной рассматривать понимание значения используемого языкового выражения как то, что может и должно быть зафиксировано в факте моей вполне определенной предрасположенности употребить некоторое выражение так, а не иначе, поскольку “...мои предрасположенности распространяются только на конечное число случаев” [1. С. 50]. Однако так ли это на самом деле¹?

Принимая во внимание остроту современных споров вокруг проблемы ‘Крипкенштейна’², мне бы хотелось намеренно подлить в огонь этой полеми-

¹ В этом смысле нам предстоит здесь выяснить, что случится, если мы все-таки поддадимся соблазнам Крипина Райта и согласимся с тем, что “...удовлетворительная философия намерения (т.е. диспозиционная теория значения. – А.Н.) должна придать законную силу нашему требованию *конечных полномочий для наших настоящих (и прошлых) намерений* (курсив мой. – А.Н.), без того, чтобы поддаваться мифологии бесконечного эксплицитного интроспективного содержания” [4. Р. 760; пер. цит. по: 2. С. 195].

² Особенно здесь хотелось бы отметить вклад отечественной аналитической традиции и прежде всего группы томских исследователей Евгения Борисова, Всеволода Ладова и Валерия Суровцева,

ки своего скептического «масла», показав, что и скептическая сила предложенной Солом Крипке интерпретации витгенштейновского парадокса 'следования правилу' вовсе никуда не исчезает и не испаряется, даже если мы, как нам кажется, совершенно намеренно ослабим в этой интерпретации ее стержневой аргумент *'Ad infinitum'* о невозможности без каких-либо существенных дефектов обучиться бесконечной функции на конечном наборе примеров, демонстрируя тем самым, что и *овладеть конечной функцией на конечном же и более того полном наборе примеров* тоже оказывается для нас не так-то просто.

Для того чтобы сделать нашу арифметическую функцию конечной, представим себе, что мы (или кто-либо еще) в роли лингвиста-реалиста¹ отправились исследовать язык туземцев загадочного племени Гавагай. При этом стоящая перед нами непосредственная исследовательская задача сформулирована крайне узко: мы должны лишь составить детальный научный отчет о языке элементарной арифметики, принятом и используемом в данном племени.

Приехав на место проживания туземцев, мы начинаем полевые наблюдения, старательно фиксируя все интересующие нас лингвистические факты, относящиеся к способам употребления языка элементарной арифметики среди гавагайцев. Спустя некоторое время, общаясь с туземцами (каждый из которых обладает на зависть самому Ноаму Хомскому 'идеальной компетенцией', что, впрочем, и не удивительно в виду того причудливого способа использования языка, который исторически сложился в племени Гавагай, более того, сами того не зная, гавагайцы действуют в строгом соответствии с заветами *'charity'* Дональда Дэвидсона [27. С. 276], намериваясь сообщать нам 'истину и ничего кроме нее', и даже актуально сообщая ее нам), мы узнаем об удивительной экономии, которая в качестве традиции-императива принята ими для собственного языка арифметики. Так, наш туземец ограничивает всю элементарную арифметику только лишь девятью знаками для указания на числа – '1', '2', '3', '4', '5', '6', '7', '8', '9' – и пользуется лишь одной операцией над ними '‡' – 'сл(кв)ожением', результатом применения которой становится число, обозначаемое при помощи одного из девяти указанных числовых знаков². На первый взгляд, нам видится это странным, поскольку наша

опубликовавших ряд серьезных и обстоятельных работ по рассматриваемой нами проблеме 'следования правилу' [2, 5–21].

¹ Стоит отметить, что наш лингвист-реалист – блестящий выпускник MIT (*Massachusetts Institute of Technology*) является одним из наиболее одаренных учеников самого Ноама Хомского, а значит, имеет превосходную логико-грамматическую подготовку, знает и цитирует наизусть все достойные внимания пассажи из *«Введения в формальный анализ естественных языков»* [22], а некоторые из его коллег-хомскианцев даже шепчутся о том, что столь высоко ценимая их учителем книга *«Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания»* [23] в основе своей является лишь стенограммой бесед Марка Бейкера с нашим лингвистом. Это многое объясняет; в частности, глубокую веру нашего лингвиста в 'синтаксическое чудо' без всяких там 'точек остенсии'; он, как ему казалось, вполне обоснованно полагает, что лингвистические правила, направляющие наше языковое поведение, – это не более чем синтаксические конструкции, а значит, и дело за малым: благодаря своим прекрасным логико-грамматическим способностям и синтаксическим навыкам, он с легкостью сможет избежать тех опасных семантических парадоксов, с которыми столкнулся его крайне незадачливый предшественник, исследовавший язык гавагайцев на предмет выразимости в нем их зоологических представлений [24–26].

² Нечто подобное мы можем встретить в языке математики крошечного племени Пираху, проживающего в отдаленном северо-западном районе Бразилии (это там, где много диких обезьян), расположенном вдоль реки Маиси (одного из притоков Амазонки).

собственная арифметика не привыкла экономить знаки языка, но со временем мы находим, как нам кажется, элегантно соответствие того, как обращаются со своими числами сами гавагайцы, тому, как мы сами могли бы поступать со своими собственными числами, возымея мы желание сэкономить для нашего языка то бесконечное (хотя и счетное) множество знаков, к которому нам по привычке приходится прибегать в ходе собственноручных вычислений. Этот принцип экономии нами был объяснен следующим образом, каждый раз, когда гавагайцы ‘скл(скв)адывают’ числа, в том случае если число получаемой ими ‘с(кв)уммы’ превосходит привычные для нас первые девять чисел собственной арифметики, они, не мудрствуя лукаво, просто ‘скл(кв)адывают’ межразрядно числа получившейся ‘с(кв)уммы’ ровно до тех пор, пока не получат число, которое попадает в интервал чисел, привычно обозначаемый нами знаками от ‘1’ до ‘9’. Иными словами, ‘скл(кв)адывая’ числа ‘4’ и ‘5’, наш туземец указывает в качестве их ‘с(кв)уммы’ число ‘9’, а ‘скл(кв)адывая’ числа ‘6’ и ‘5’, он указывает число ‘2’¹.

В этот же миг, как только мы сделали это ‘открытие’ (поблагодарив в душе Бога за то, что он сделал у гавагайцев «все сложное ненужным, а все нужное несложным»), нас окрыляет надежда на быстрое решение нашей исследовательской задачи, а именно составление детального научного отчета о языке элементарной арифметики, принятом в этой туземной среде². В самом деле, казавшаяся первоначально столь запутанной процедура ‘сл(кв)ожения’, на деле могла быть описана как конечная арифметическая функция при помощи всего 81 предложения. Это удивительно, но язык математики наших гавагайцев оказался легко обозрим, и последнее, что нам оставалось сделать, это выяснить ‘истинный строй’ этого языка, т.е. составить из используемых гавагайцами знаков для обозначения чисел ‘1’, ‘2’, ‘3’, ‘4’, ‘5’, ‘6’, ‘7’, ‘8’, ‘9’ ряд, который бы был связан транзитивным отношением ‘следовать за’³. Иными словами, нам предстояло разобраться с тем, какие численные сравнимости выразимы в математическом языке гавагайцев, т.е. прячется ли за знаком ‘7’ число ‘большее’ или ‘меньшее’ того, что прячется за знаком ‘1’. Эта задача по определению ‘истинного строя’ языка математики гавагайцев виделась нашему лингвисту простой, поскольку на зависть Джузеппе Пеано он был вооружен конечной таблицей значений функции ‘сл(кв)ожения’, а значит, должен был быть способен индуктивно одним-единственным ‘правильным’ способом установить искомым нами ряд натуральных чисел.

Не откладывая поиски решения этой задачи в долгий ящик (в тайне представляя себе, какой фурор произведет его доклад на сообщество коллег), наш

¹ Как кажется нашему ‘догадливому’ лингвисту, ход арифметических вычислений здесь выглядит следующим образом: ‘ $6\ddagger 5=11=1\ddagger 1=2$ ’.

² В тайне наш лингвист довольно потирал руки, уж он-то теперь точно не «напортчит» в своих научных отчетах так, как это сделал его печально известный предшественник, запутавшийся в ‘пространственно-временных срезах кролика’ гавагайцев.

³ Таким образом, наш лингвист под ‘истинным строем’ языка математики гавагайцев понимал не что иное, как ряд знаков, выражающих их понятия натуральных чисел, связанный транзитивным отношением ‘следовать за’. Это позволяло бы описать все выразимые в этом языке сравнимости: ‘быть меньше чем’ – ‘<’, ‘быть больше чем’ – ‘>’, – а значит, язык математики гавагайцев перестал бы для нас быть просто синтаксическими манипуляциями над значками и обрел бы какую-никакую семантику, в рамках которой, на радость Фрэнку Рамсею, выражения вроде ‘до реки идти 2 мили’ имели бы при употреблении некоторый смысл [28. С. 10; 29. С. 18].

лингвист принялся за работу. Первым кандидатом на роль ‘истинного строя’ стала последовательность L_1 ‘1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9’, составив которую, он без промедления обратился к своим информантам среди туземцев для того, чтобы установить свою правоту (мы ведь помним, что гавагайцы чтят ‘кодекс речи’ Дональда Дэвидсона и вовсе не имеют намерения «водить за нос» нашего лингвиста). Стоит отметить, что наш лингвист был более чем уверен в верности своих предположений, поскольку для предложенной им последовательности L_1 сохраняли ‘истинность’ все значения, представленные в таблице функции ‘сл(кв)ожения’. Каково же было его удивление, когда первый же из информантов стал выражать несогласие с предложенным нашим лингвистом рядом натуральных чисел; обескураженный, но не сломленный, он опять засел за работу и через некоторое время, довольно потирая руки, созвал своих информантов, чтобы ознакомить их с новым кандидатом на роль ‘истинного строя’ – последовательностью L_7 ‘7, 5, 3, 1, 8, 6, 4, 2, 9’. Однако вот незадача, первый же из информантов со смехом отверг предложенную ему последовательность L_7 ; негодованию лингвиста теперь не было предела. Он разозлился не на шутку и, упрекая своих информантов, что они с ним не честны и не откровенны (дескать, издеваются над ним, а заодно не ценят и не уважают «пасторальные» идеалы языка Дональда Дэвидсона), стал вслух зачитывать им предложения из составленной в ходе полевых наблюдений таблицы функции ‘сл(кв)ожения’. В ответ гавагайцы только клялись своими великими предками (которые, кстати говоря, изобрели и обучили их языку математики) и утверждали, что все зачитанные нашим лингвистом предложения (‘ $1 \ddagger 1 = 2$ ’, ‘ $1 \ddagger 2 = 3$ ’, ‘ $6 \ddagger 6 = 3$ ’ и т.д.) абсолютно верны¹. Наконец, немного поостыв и прогнав всех своих информантов (которые уходили с обидой на сердце, не понимая, чем именно они так сильно разозлили этого странного гринго), наш лингвист опять засел за работу, твердо решив составить все возможные, видимо, ускользнувшие от его внимания, последовательности, которым будет удовлетворять функция ‘сл(кв)ожения’ гавагайцев, и добиться-таки тем самым решения задачи, казавшейся поначалу такой простой. К ночи третьего дня (благодаря отличным логико-грамматическим способностям) у нашего лингвиста все было готово. К двум уже составленным последовательностям L_1 и L_7 , он добавил еще четыре: L_2 ‘2, 4, 6, 8, 1, 3, 5, 7, 9’, L_4 ‘4, 8, 3, 7, 2, 6, 1, 5, 9’, L_5 ‘5, 1, 6, 2, 7, 3, 8, 4, 9’ и L_8 ‘8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1, 9’. Теперь только оставалось при помощи информантов определить, какая именно последовательность должна все-таки считаться ‘истинным строем’ языка математики гавагайцев, и для того, чтобы это выяснить, лингвист объявил им о сборе на следующее утро. Он был твердо намерен решить столь неожиданно возникшую перед ним проблему, и, если даже кто-либо из информантов откажется признавать одну из последовательностей за ‘истинный строй’ их языка математики, он убедит

¹ Ну, как здесь не вспомнить известный пассаж из §39 VI раздела «Заметок по основаниям математики» Людвиг Витгенштейна: «Можно было бы вообразить, что люди разных племён обладали бы языками, все из которых имели бы один о тот же словарный состав, но значения слов были различны (курсив мой. – А.Н.). Слово, которое означало зеленый у одного племени, в языке другого племени означало бы одинаковый, в языке третьего – стол и т.д. Мы могли бы даже вообразить, что племенами употреблялись бы одинаковые предложения, только с совершенно различным смыслом (курсив мой. – А.Н.). В этом случае я не могу сказать, что они говорят на одном языке» [30. С. 236].

или принудит его это сделать, ведь как-никак блестящая подготовка в *MIT* за собственными плечами чего-то да стоит: в самом деле, *как и что* могут эти примитивные люди противопоставить его ‘респектабельной’ рациональности!?!

Этой ночью лингвисту не спалось, он все думал и думал над тем, что же именно он должен будет сказать, чтобы убедить упрямых гавагайцев, если вдруг они откажут всем его последовательностям в праве называться ‘истинным строем’. Однако вместо рациональных конструкций, которые он мог бы использовать как инструменты при доказательстве своей правоты, в его голове постоянно крутилось какое-то странное имя ‘Крипкенштейн’, и вроде бы это было имя автора какой-то книги по основаниям языка и теории значения, прочитанной им еще в далекие студенческие годы (по крайней мере, он помнил, что еще вдоволь посмеялся тогда над парадоксальными рассуждениями этого автора). Наш лингвист стал напрягаться, пытаясь вспомнить, о чем именно в этой книге шла речь (наивно полагая, что его блестящая память своевременно ему что-то подскажет). Как вдруг его осенило: язык гавагайцев иллюстрирует тот самый парадокс ‘Крипкенштейна’, над которым он когда-то забавлялся и в котором вопрос о значении был поставлен ультрарадикальным образом и отлит в ультимативной формулировке: подлинная проблема ‘следования правилу’ не в том, что, используя наш язык, мы можем оказаться не в состоянии передать его значение *другим*, а в том, способны ли мы донести его значение *до себя самих!*

На следующий день ранним утром наш лингвист, ни с кем не попрощавшись, покинул племя Гавагай. Путь его лежал в старинный английский город Оксфорд, где ровно через неделю должен был состояться *N*-й Всемирный лингвистический конгресс *AILA*¹, на котором он был намерен возвестить *urbi et orbi* о результатах своих научных исследований.

Теперь, коль скоро нашей сказке настал конец, давайте поразмышляем: о чем именно мог бы поведать наш лингвист своим коллегам?

Подводя неутешительные для лингвиста-реалиста итоги, хотелось бы сформулировать несколько намеренно полемических соображений как в отношении понятия ‘следовать правилу’, так и в отношении некоторых наиболее влиятельных его интерпретаций, в частности, предложенных самим Соллом Крипке [1] и его оксфордскими «друзьями» Гордоном Бейкером и Питером Хакером [31, 32].

Во-первых, теперь мы можем ответить на вопрос о том, что же именно наблюдал наш лингвист?

Вне сомнения, он наблюдал то, что мы могли бы назвать типичным *эф-фактом* ‘репликации’, суть которого заключается в том, что наше привычное представление о языке как о ‘койнэ’² является необоснованным (кстати, неслучайно, что это представление рассматривается как составная часть столь нелюбимого ‘поздним’ Людвигом Витгенштейном ‘августинианского’ образа

¹ *Association International de Linguistic Applique (AILA)* – Международная ассоциация прикладной лингвистики (МАПЛ).

² ‘Койнэ’ – это своеобразная, принятая для лингвистики идеализация языковой деятельности, так называемая ‘наддиалектная форма языка’, позволяющая рассматривать язык на уровне его общей грамматики.

языка [33. С. 80–81]). Вполне допустимым и, более того, актуальным является одномоментное существование n -ого множества *эмпирически эквивалентных, но логически нетождественных и даже несовместимых языков* ($L_1, L_2, L_4, L_5, L_7, L_8$). Это обстоятельство позволяет высказать ряд важных для нашего обсуждения замечаний.

Вопреки распространенному мнению¹, парадокс 'Крипкенштейна' возникает вовсе не как следствие смутности и неопределенности для нас 'стандарт-правила', а как раз-таки из-за фактов актуального и одномоментного наличия n -ого множества так называемых 'дефект-правил'², блокирующих мое понимание того, *какому именно правилу я все-таки намерен следовать*, при одномоментном сохранении как субъективной регулярности, так и 'безошибочности' моих собственных речевых действий в отношении любого из множества несовместимых языков. Эффект 'репликации' тем и важен, что, признавая, вслед за Криспином Райтом [4], одномоментную неразличимость 'стандарт-правила' и некоторого множества 'дефект-правил', мы можем, в отличие от самого Сола Крипке [1. С. 29], зафиксировать не только *ретроспективность*³ нашего скепсиса в отношении понятия 'следовать правилу', но и его *перспективность*⁴: подобно тому, как ничто в фактах моих прошлых употреблений языкового выражения '6÷3=9' не позволяет зафиксировать правило, которому я бы следовал, факты всех моих будущих употреблений этого же языкового выражения также не смогут помочь мне понять, что значит 'следовать правилу'⁵.

Во-вторых, нам следует здесь разобраться и с вопросом: о чем свидетельствует наличие субъективной регулярности в речевых действиях гавагайцев (факт, столь ценимый Гордоном Бейкером и Питером Хакером)? А также с

¹ В частности, этого мнения придерживаются Петер ван Инваген [34] и Всеволод Ладов [2. С. 81, 95–99].

² Вопреки Всеволоду Ладову, я все-таки склонен считать, что «...столь эпатажные крипкевские примеры с дефект-правилами...» [2. С. 98] на деле есть нечто большее, нежели 'лишь красочные риторические фигуры'.

³ Это, видимо, и намерен нам сказать Дональд Дэвидсон, утверждая, что "...возможно бесконечное число различных языков, согласующихся со всеми реальными высказываниями человека, но отличающихся относительно невысказанных предложений..." [35. Р. 257; пер. цит. по: 2. С. 170].

⁴ Причем перспективность эта, разумеется, особого рода, поскольку для языковых регистров '*Ad finitum*' 'перспектива' – это всегда, если можно так выразиться, ситуация 'назад в будущее'.

⁵ Это позволяет также утверждать, что с точки зрения 'чистой' логики так называемая 'диспозиционная теория' дискредитируется не только в отношении языковых регистров '*Ad infinitum*', но и для всего множества более скромных речевых практик '*Ad finitum*'. Так, наша попытка сослаться на свидетельств от 'первого лица', – свойственные для 'диспозиционной теории' значения, гласящие, что нам-то наблюдателям как 'третьим лицам' может быть и неизвестно, каким именно правилам следует туземец племени Гавагай, 'скл(кв)адывая' числа, но сам-то он уж точно знает, чему намеревается следовать, когда демонстрирует нам свои арифметические навыки, – наталкивается на непреодолимое препятствие, связанное с тем, что, указав на имеющиеся перед нами примеры 'сл(кв)ожения', предоставленные в наше распоряжение самим туземцем, мы можем с легкостью показать, что на деле, думая о 'сложении' и намереваясь 'складывать', он в действительности занимался не чем иным, как 'квожением' чисел. Это значит, что такое удобное решение, как *признание тождества между 'фактом следования правилу' и простым 'намерением ему следовать'*, неизменно блокируется посредством того, что мы ставим нашего туземца перед весьма неприятной дилеммой: либо он должен признать, что не понимает, чем именно занимается, когда думает, что 'скл(кв)адывает' числа, поскольку в этом случае он 'следует' какому угодно правилу, либо он обязан или, по крайней мере, должен быть в состоянии рационально обосновать нам, почему мы должны согласиться с его представлением о том, как для самих гавагайцев выглядит их ряд натуральных чисел.

вопросом: в чем именно состоит роль 'сообщества' в речевых действиях гавагайцев?

Известно, что Гордон Бейкер и Питер Хакер (пожалуй, самые яростные критики парадокса 'следования правилу', в той радикальной интерпретации, которая была дана ему Солом Крипке) рассматривали в качестве достаточно-го основания для 'следования правилу' свидетельство о наличии субъективной регулярности в наших действиях¹, которую мы вполне в состоянии зафиксировать независимо от точки зрения сообщества (*community view*) [32. Р. 135–168]. Это свидетельство имело намерение поставить под сомнение интерпретацию понятия 'следовать правилу' Сола Крипке, выбив из цепи его аргументов апелляцию к 'индивидуальному языку' (*private language*), при помощи которой он обосновывал неспособность для изолированного агента речи к пониманию 'значения' собственных слов. Ведь для Сола Крипке не что иное, как сообщество говорящих на некотором языке оказывается единственным и подлинным генератором той 'иллюзии значения' [2. С. 114], которая может стабилизировать нашу практику использования языковых выражений [1. С. 131–132, 135]. Пытаясь скомпрометировать такого рода интерпретацию отношений между языком и сообществом, Гордон Бейкер и Питер Хакер действовали весьма изобретательно, используя для этой цели понятия 'совместного' (*shared*) и 'совместимого' (*shareable*) языков. При этом под 'совместным' языком ими понимался такой язык, который возникает в ситуации реальной коммуникации между субъектами, а в качестве языка 'совместимого' нами должен мыслиться некоторый логически необходимый язык, а именно такой, который *a priori* допускает возможность для своего понимания, как со стороны самого говорящего, так и в принципе для его наблюдателя². Однако, что же нам удастся разглядеть в практике применения гавагайцами собственных языковых выражений, если теперь мы вооружимся столь «тонкой оксфордской оптикой»³?

Пристальный взгляд на язык математики племени Гавагай без труда позволяет установить, что в нем 'видны' те самые регулярности, которые нам столь нужны, по мнению оксфордских философов, чтобы мы согласились признать за этими речевыми действиями право именоваться 'языком'; более того, этот язык является 'совместным' (в том смысле, в котором это понятие используют Гордон Бейкер и Питер Хакер). Однако вся интрига заключается в том, что для нас этого слишком мало, нам необходимо дать ответ на вопрос: является ли язык математики гавагайцев 'совместимым' (опять же, в том смысле, в котором это понятие применяют оксфордские философы)?

¹ Вот, пожалуй, самая распространенная и ёмкая формулировка воззрений этих оксфордских философов на понятие 'следовать правилу': «Следование правилу – это *Praxis*, регулярная деятельность» [31. С. 139].

² Весьма экономным образом данную мысль выражает Всеволод Ладов, замечая, что «...Бейкер и Хакер утверждали <...> субъект способен самостоятельно генерировать регулярности. И если эти регулярности действительно имеют место, то их в принципе могут распознать другие» [2. С. 152].

³ Забегая немного вперед, следует сказать, что применение оксфордского различения языков на 'совместные' и 'совместимые' во многом подобно желанию пользоваться в качестве эталона длины не метровым объектом, а, скажем, стосантиметровым; кажущаяся «тонкость» наших измерений на деле здесь оборачивается очередной иллюзией.

Неосмотрительный вывод о том, что это так и есть (ведь и в самом деле наши гавагайцы пусть худо-бедно, но все-таки способны на нем изъясняться, они в состоянии фиксировать свои собственные регулярности и даже, если потребуется, поправлять себя или тех участников коммуникации, которые попытаются использовать языковые выражения вроде ‘6‡3=3’ или ‘6‡5=7’), способен увести нас по ложному следу, а значит, нам требуется присмотреться к языку математики гавагайцев чуть более пристально. Для того чтобы быть ‘совместимым’, язык математики гавагайцев должен быть как минимум ‘понятен’ в ходе его использования самому носителю этого языка. При этом очевидно, что обладать ‘совместимым’, или, выражаясь иначе, ‘понятным’, языком, – значит быть способным показать те ‘случаи’ (и именно ‘случаи’, поскольку говорить здесь о ‘ситуациях’ – это заведомо делать слишком большую уступку логико-грамматическому взгляду на язык), когда *сам* говорящий следует *этому*, а не какому-то *тому* правилу. Однако способен ли это сделать наш туземец племени Гавагай? Увы, сделать это он не в силах, поскольку здесь в дело вступает тот самый эффект ‘репликации’, т.е. теперь нам остается только признать, что в случае с языком математики гавагайцев мы имеем парадоксальный пример ‘регулярных’ и даже ‘совместных’ речевых действий, которые вместе с тем оказываются ‘несовместимыми’¹. Это значит, что намерение Гордона Бейкера и Питера Хакера использовать идею ‘субъективной регулярности’, тщательно сепарированную ими от упоминаний о ‘сообществе’ говорящих при помощи понятия ‘совместимости’, в качестве свидетельства ‘следованию правилу’ оказывается не столь обоснованным, как кажется многим.

Употребление каких-то знаков ‘совместно’ (на сей раз не в том смысле, в котором это понятие употребляется Гордоном Бейкером и Питером Хакером, а в смысле того, что какие-то из *n*-ого множества знаков всегда встречаются ‘вместе’, т.е. в одном и том же знаковом окружении) есть лишь *свидетельство ‘регулярности’, но не свидетельство ‘правила’*. ‘Регулярное’ употребление *этих* или вот *тех* знаков в языковых выражениях еще не основывает для нас ‘правило’, поскольку для того, чтобы о нем имело смысл говорить, нам требуется ‘сообщество’ говорящих². Более того, проблема с примени-

¹ Это во многом проясняет для нас то, почему наш лингвист-реалист столь «скоропостижно» и по-английски покинул гостеприимное племя Гавагай. Так, в частности, становится понятным, что нет никакого смысла в этом укорять нашего лингвиста, так как его наблюдения обернулись не эмпирически случайной неудачей, а логически необходимым фиаско. Описав *все* регулярности (*все* группы ‘вместе’ и ‘совместно’ употребляемых знаков), которые содержал в себе язык математики гавагайцев, наш лингвист, сам того не ожидая, запер себя в этойкой ‘гавагайской комнате Джона Сёрля’: теперь он мог абсолютно безошибочно выполнять операции на ‘сл(кв)ожение’, не понимая, по сути, что же именно он при этом делает.

² И коль скоро наш разговор коснулся проблемы ‘индивидуального языка’, стоит заметить, что оксфордский ‘совместимый’, но не ‘совместный’ Робинзон (если только мы откажемся признать за понятием ‘совместности’ этакий ‘удаленный доступ к другому’, т.е. своеобразное *off-line* языковое ‘сообщество’) оказывается вовсе не способен увидеть в своих действиях регулярности и уж тем более увидеть в них регулярность не как вот *ту*, а как, скажем, вот *эту*. Это значит, что я склонен воспринимать *эту* регулярность как *другую*, а не как вот *ту*, только под влиянием мнения ‘сообщества’ (*community view*). Я не вижу никаких свидетельств ‘следования правилу’ в своих регулярностях как бы пристально в них ни всматривался; я действую здесь слепо! Для меня, как следующего субъективной регулярности, такой проблемы как *та же самая* или *не та же самая* регулярность и не существует вовсе! В моих регулярностях есть только *praxis*-действие, но там нет языка, а значит, и нет раз-

ем понятия ‘следовать правилу’ возникает вовсе не там, где есть *различия* в регулярностях, а скорее (как это и показывает эффект ‘репликации’), наоборот, – там, где регулярности *одни и те же*¹! Таким образом, избавившись от ‘сообщества’ и будучи очарованными понятием ‘субъективной регулярности’, а именно, утверждая, что «A language need not be shared, but it must be *shareable*. It may be private, but it must be *possible* for it to be public»² [34. P. 168], Гордон Бейкер и Питер Хакер во многом оказываются в ситуации двух ‘обезьян’ Людвиг Витгенштейна³. *Ugh, I'm sorry*, но примитивная гавайская ‘совместность’ оказывается способна пожрать рафинированную оксфордскую ‘совместимость’! Для нас нет никакого другого приемлемого смысла в применении к языку понятия ‘совместимость’, кроме ‘растворения’ его в идее ‘совместности’ и ‘сообщества’⁴.

личия; различие, а значит, правило есть только там, где есть язык! Чтобы признать расхождения в регулярностях заметными, необходимо говорить не о них самих, а, правилах, которыми мы пытаемся их схватить! Здесь мы имеем все основания для скепсиса в отношении позиций Гордона Бейкера и Питера Хакера, заявляющих, что о «...we denied that the concept of a language is so tightly interwoven with the concept of a community of speakers as to preclude its applicability to someone whose use of signs is not shared by others... [...мы отрицали, что понятие язык настолько тесно переплетается с понятием сообщества ораторов, чтобы исключить возможность его применения кем-то, чье использование знаков не разделяют другие...]» [36. P. 167].

¹ В этом пункте можно зафиксировать отличие нашей позиции по вопросу соотношения понятий ‘регулярность’ и ‘следование правилу’ от взглядов самого Людвиг Витгенштейна, который в §44 VI раздела «*Заметок по основаниям математики*» пишет: “...Но разве нас не направляет правило? И как может оно направлять нас, ведь его выражение всё равно может быть интерпретировано нами и так, и по-другому? То есть ведь всё равно *ему соответствуют различные регулярности* [курсив мой. – А.Н.]. Мы склонны сказать, что выражение правила направляет нас...” [30. С. 238].

² В этом пассаже Гордон Бейкер и Питер Хакер пытаются отказать в праве именоваться ‘языком’ Всем так называемым ‘мнимым’ или несовместимым (*unshareable*) речевым действиям, устанавливая, что ‘языку не обязательно быть совместным, но он должен быть *совместимым*. Он может быть индивидуальным, но он должен быть *возможным* для того, чтобы быть публичным».

³ Здесь, как кажется, самое место для того, чтобы напомнить об одном часто цитируемом примере из §42 VI раздела «*Заметок по основаниям математики*» Людвиг Витгенштейна: “...Если одна из двух шимпанзе однажды нацарапала на земле фигуру [–], а другая затем ряд [–|–] и т.д., то первая могла и не задавать правило, а другая могла и не следовать ему, что бы ни происходило при этом в душе каждой из них...” [30. С. 237]. Пользуясь этим примером, Людвиг Витгенштейн намекает нам, что одной только субъективной регулярности в наших действиях очевидно образом маловато для того, чтобы мы были в состоянии придать понятию ‘следования правилу’ хоть сколько-нибудь приемлемое содержание. Это-то и не позволяет избавиться от ‘сообщества’ так легко и просто, как рассчитывали Гордон Бейкер и Питер Хакер, поскольку, действуя в *такой* манере, мы рискуем «выплеснуть вместе с водой и самого младенца».

⁴ В этом смысле нам более импонируют позиции Нормана Малкольма и Криспина Райта, нежели Гордона Бейкера и Питера Хакера. Так, в частности, Норман Малкольм, признавая важность наличия ‘регулярности’ как необходимого условия для ‘следования правилу’, тем не менее отказывал ей в праве считаться также и условием достаточным: «...Ясно, что должна быть некоторая регулярность в действии... Но регулярность не достаточна. Другим измерением понятия следования правилу является *согласие* между различными людьми в применении правила» [37. P. 20; пер. цит. по: 2. С. 127]; в свою очередь, Криспин Райт открыто критиковал позиции оксфордских философов за предоставление ‘логического иммунитета’ понятию ‘регулярности’, заявляя, что «не может быть такой вещи, как привилегированное признание решений о понимании выражения от первого лица; безотносительно того, является ли это понимание совместимым...» [38. P. 217; пер. цит. по: 2. С. 128]. Язык – это социальное явление, хотя, стоит заметить, что подлинная ‘социальность’ языка (так сказать, ‘очищенная’ от точки зрения ‘чистой логики’) еще только ждет своего открытия; более того, вполне возможно, что на этом пути изрядно дискредитировавшая себя ‘диспозиционная теория значения’ сможет обрести для себя новые «символы веры». Отнюдь не случайно, что, выступая на конгрессе *AILA*, наш лингвист произнес почти «апостольские» слова: «...Желание понимать, каким именно правилам мы следуем в нашем языке, есть знамение, пророчествующее об отказе от традиционной, свойственной

Тем самым необходимо признать, что рассматриваемый Солом Крипке парадокс ‘следования правилу’ (вне зависимости от того, насколько его интерпретация соответствует подлинным намерениям самого Людвиг Витгенштейна¹) вовсе не теряет своей скептической силы, даже если мы намерено выхлостим его, избавившись, как нам кажется, от «убийственного» аргумента ‘*Ad infinitum*’². Все содержащиеся в нем скептические следствия остаются в целостности и сохранности; напротив, в языковом регистре ‘*Ad finitum*’ они перестают быть лишь умозрительными, но, становясь вполне обозримыми в нашем конечном опыте, оказываются еще более обескураживающими³.

Разумеется, приведенные выше рассуждения – это отнюдь не все те возможные выводы, которые мы могли бы сделать из парадокса ‘следования правилу’, рассмотренного на ограниченном ‘*Ad finitum*’ регистре языка. Однако для того, чтобы окончательно разобраться во всех интересующих нас вопросах, нам придется снарядить еще не одну научную экспедицию в загадочное племя Гавагай.

Литература

1. Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М.: Канон+ РООИ “Реабилитация”, 2010. 256 с.
2. Ладов В.А. Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 326 с.
3. Витгенштейн Л. Голубая книга // Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к “Философским исследованиям”. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 25–114.
4. Wright C. Kripke’s Account of the Argument Against Private Language // Journal of Philosophy. 1984. Vol. 81, № 12. P. 759–778.
5. Суровцев В.А., Ладов В.А. Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 136 с.
6. Ладов В.А., Суровцев В.А. Следование правилу и скептический парадокс (критические замечания о теории языкового значения Витгенштейна – Крипке) // Критика и семиотика. 2008. Вып. 12. С. 101–116.

нам, лингвистам, одержимости образами языка как ‘койнэ’, возвещающее нам о необходимости обратиться к адамовым языкам – ‘пиджинам’, поскольку, как свидетельствует философия языка, все самое интересное происходит именно там...».

¹ Более того, вполне возможно, что в рамках предпринятых нами здесь исследований подлинная подоплёка сомнений Людвиг Витгенштейна в том, “...откуда я знаю, что при построении числового ряда +2 следует писать ‘20004, 20006’, а не ‘20004, 20008’?” [39. С. 4], пусть и немного, но все-таки прояснится.

² Иными словами, утверждение Всеволода Ладова, сделанное им после тщательного анализа всех ‘видимых’ в поле аналитической философии позиций по проблеме ‘следования правилу’, о том, что «...скептицизм Крипке вырастает из проблемы индукции, из констатации того факта, что наш опыт, наше познание конечны. Если бы мы созерцали все возможные правила употребления и могли бы представить все возможные случаи употребления терминов, то неопределенность в значении бы исчезла [курсив мой. – А.Н.]...» [2. С. 234], нам видится слишком оптимистичным и не вполне обоснованным. В нашем примере с языком математики гавагайцев неопределенность, которая вроде бы и должна была теоретически развеяться (по крайней мере, в условиях языковых регистров ‘*Ad finitum*’), практически вполне успешно себя сохраняет. Здесь все случаи употребления оказываются вполне обозримыми, поскольку мы в состоянии указать для функции ‘сл(кв)ожения’ все тройки числовых знаков: ‘ $f(1,1,2)$, $f(1,2,3)$, ..., $f(9,9,9)$ ’, но тем не менее мы оказываемся неспособны ‘постичь’ то ‘правило’, которому мы возымели ‘намерение следовать’.

³ Не случайно, что «хитрец» Бертран Рассел, мягко говоря, недолго любил языковые регистры ‘*Ad finitum*’, поскольку именно здесь аксиоматика Джозеппе Пеано способна дать серьезную осечку [28. С. 64; 40. С. 69–76].

7. *Ладов В.А.* Место релятивистского аргумента Витгенштейна – Крипке в философии логики и математике // *Философия науки.* 2003. № 3 (18). С. 53–61.
8. *Ладов В.А.* Эпистемологические коллизии теории диспозиций // *Вестник Том. гос. ун-та.* 2005. № 287. С. 49–56.
9. *Ладов В.А.* Иллюзия значения // *Эпистемология и философия науки.* 2005. Т. V, № 3. С. 27–44.
10. *Ладов В.А.* Критика универсалистской семантики в теории значения Витгенштейна – Крипке // *Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия.* 2006. Т. 4, № 1. С. 18–22.
11. *Ладов В.А.* Поговорить с Робинзоном Крузо (к публикации статьи А. Айера «Может ли существовать индивидуальный язык?») // *Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2007. № 1. С. 97–101.
12. *Ладов В.А.* Дискуссия об индивидуальном языке: лингвист против философа // *Вестник Том. гос. ун-та.* 2008. № 313. С. 48–54.
13. *Ладов В.А.* Проблема следования правилу: поиски прямого решения // *Философия науки.* 2008. № 1 (36). С. 61–79.
14. *Ладов В.А.* Антриреализм позднего Л. Витгенштейна // *Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2009. № 3. С. 68–75.
15. *Ладов В.А.* Ограничения на ‘Charity’ и возможность концептуальных различий в коммуникации // *Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2009. № 4. С. 22–27.
16. *Ладов В.А.* Формальный реализм // *Логос.* 2009. № 2 (70). С. 11–23.
17. *Ладов В.А.* Проблема реальности в аналитической философии // *Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2010. № 4. С. 30–49.
18. *Ладов В.А.* Скептицизм Крипке и его преодоление в контексте онтоэпистемологической позиции реализм/релятивизм // *Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2011. № 2. С. 55–62.
19. *Ладов В.А.* Обозначает ли слово ‘ощущение’ ощущение? (Обсуждая аргумент индивидуального языка Л. Витгенштейна // *Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2011. № 4. С. 18–30.
20. *Борисов Е.В.* Знание о себе как семантическая необходимость: понятие авторитета первого лица у Д. Дэвидсона // *Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия.* 2009. Т. 7, № 1. С. 37–41.
21. *Борисов Е.В.* Проблема Крипке и ее прямое решение // *Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2010. № 4. С. 5–14.
22. *Хомский Н., Миллер Дж.* Введение в формальный анализ естественных языков. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 64 с.
23. *Бейкер М.К.* Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 272 с.
24. *Куайн У.В.О.* Слово и объект. М.: Логос, Праксис, 2002. 386 с.
25. *Куайн У.В.О.* Проблема значения в лингвистике // *С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков.* М.: Изд-во “Канон+” РООИ “Реабилитация”, 2010. С. 81–102.
26. *Куайн У.В.О.* Тожество, остенсия и гипостазирование // *С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков.* М.: Изд-во “Канон+” РООИ “Реабилитация”, 2010. С. 103–122.
27. *Дэвидсон Д.* Об идее концептуальной схемы // *Исследования истины и интерпретации.* М.: Праксис, 2003. С. 258–277.
28. *Суровцев В.А.* Ф.П. Рамсей и программа логицизма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 258 с.
29. *Рамсей Ф.П.* Основания математики // *Философские работы.* М.: Канон+ РООИ “Реабилитация”, 2011. С. 16–86.
30. *Витгенштейн Л.* Заметки по основаниям математики. Раздел VI (около 1943–1944) // *Эпистемология и философия науки.* 2007. Т. XII. № 2. С. 220–240.
31. *Бейкер Г.П., Хакер П.М.С.* Скептицизм, правила и язык. М.: Канон+ РООИ “Реабилитация”, 2010. 240 с.
32. *Baker G.P., Hacker P.M.S.* Wittgenstein: Rules, Grammar, and Necessity. Vol. 2 of an Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. Essays and Exegesis of §§ 185–242. Oxford, Wiley-Blackwell, 2009. 380 p.
33. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Философские работы.* М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–319.

34. *Inwagen P.* There is No Such Thing As Addition // *Midwest Studies In Philosophy*. Notre Dame: Notre Dame Press, 1992. Vol. 17. P. 138–159.
35. *Davidson D.* The Second Person // *Midwest Studies In Philosophy*. Notre Dame: Notre Dame Press, 1992. Vol. 17. P. 255–267.
36. *Baker G.P., Hacker P.M.S.* Malcolm on Language and Rules // *Philosophy*. 1990. Vol. 65. P. 167–179.
37. *Malcolm N.* Wittgenstein on Language and Rules // *Philosophy*. 1989. Vol. 64. P. 5–28.
38. *Wright C.* Wittgenstein on the Foundations of Mathematics. Cambridge: Harvard University Press, 1980. 500 pp.
39. *Витгенштейн Л.* Замечания по основаниям математики // *Философские работы*. М.: Гнозис, 1994. Ч. II. XLII + 208 с.
40. *Рассел Б.* Введение в математическую философию // *Введение в математическую философию*. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007. С. 67–220.